

ЕЛЕНА КИРСАНОВА
г. Санкт-Петербург

АНАПЕСТ

Мне бы пестовать этот анапест,
Воспевая асфальтовый снег
На проспектах, уложенных накрест,
По которым брожу в полусне,

В полуяви, по сумрачным, блеклым,
Динозавровым зимним стезям,
А в глазах обесцвеченных окон
Ледниковые блики скользят...

Крепкий наст прибывая ступнями,
Бормоча за строкою строку,
Все брожу, и живыми камнями,
Как лавиною по леднику,

На меня надвигаются люди
Неуклонной своей прямизной.
На своем безусловном маршруте
Я, по сути, – счастливый изгой:

Глядя в пепельно-бледные лица
Близоруких, друг к другу глухих,
Я о них начинаю молиться,
И молитва рождает стихи.

Вирус запер людей в виртуальном мире,
Под предлогом периода пандемии,
Беспредметна пейзажная летаргия
В городке с голосами рыб.

Выхожу из метро на пустынный Невский –
Стылый ветер, но воздух такой апрельский,
Что деревья редкие – деревенский
Демонстрируют архетип:

Черных веток своих растрепав волосья,
И отбросив трости, и стыд отбросив,
Зазывают в гнезда и просто в гости
Под откосы дворцовых скал.

А вороны белые, голубицы
Удивленно смотрят на полулица:
Это улица, циркус или больница?
Маски-шоу? Грошовый бал?

Вот курьеры меряют километры,
Городскую вызубрив геометрию, –
Племя новых сталкеров, но монетных, –
Что поделать – примета дней.

Время крестиком метит сердца и нравы,
Держит шаткое небо жираф поджарый –
Петропавловский шпиль великодержавный,
Да под Ангелом – мавзолей.

Да врачи, что белее своих халатов,
Что летят в ночи, латы их – крылаты,
Да заводы, фабрики, комбинаты –
В карантинных веригах, но...

Тротуар. Остановка. Скамья. Коляска.
Звезды глаз над тугим горизонтом маски...
Словно сплю, и мне страшная снится сказка
Из артхаусного кино.

* * *

И даны были каждому из них одежды белые...

Откр. 6:11

Уйти в свои снега, в свою безмолвность,
В бездонность мысли, в безнервозность дум.
Не в меланхолий тягостную томность,
А в белый, идеально-белый шум,

В котором звук печалится не плача,
В котором чей-то голос неземной
Меня качает трепетно и нянчит
Под белой-белой ласковой звездой.

В котором, словно в облаке волшебном,
Лечу надмирным призраком любви.
В котором свет и легкость совершенства
Мне дарит изнутри мой визави.

В котором безмятежность так безбрежна,
Что каждая душа передо мной –
Такой же свет; и белые одежды
Сияют на Земле и над Землей.

ЗЕМЛЯ

Вся плоть уходит в эту твердь –
Шарообразную могилу,
В которой тлен питает силу,
В жизнь превращающую смерть.

В нее спрессованы тела,
И все, что было рукотворным,
Вмуровано, пустило корни,
Корой застыло, и смола,

И нефтяная чернокровь,
И соль ее, и жирность сока –
Имеет смерть своим истоком,
Но служит жизни вновь и вновь.

Она и дерево, и плод;
Вертеп, насаженный на вертел,
В ней, круглом саркофаге смерти,
Исхода код – наоборот

Прописан клинописью звезд,
Упавших в свет ее холодный,
В ее полётно несвободный,
Все воскрешающий, погост.

ОЩУЩЕНИЕ

Еда не имеет вкуса,
Снам не хватает смысла.
Можно сказать – грустно
Плетью душа повисла.
Можно сказать – будни
Стали еще серее.
Улицами безлюдье
Чувствуется острее.
Тайну теряет слово
Голос – на тон тише.
Города средь пустого
Я становлюсь лишней.

НЕ БОЙСЯ

Этой девочке миллиарды лет.
Не бойся сдать ей, путник.
В ее памяти первый земной рассвет
И марсианское утро.

В ее прошлом горят города,
Стираются в пыль планеты.
Она существовала, когда
Еще ветром был ты...

Не бойся любить ее, старик.
Она знает все твои мысли.
И будет плакать, когда твой черед
Наступит уйти из жизни.

Не бойся смотреть в ее глаза.
Она любит тебя просто, нежно.
Для нее ты только слеза
В океане мертвой надежды.

И по-прежнему в прошлом горят города,
Поглощает их в бездну огонь и вода.

ДОМ ОСТАНОВИВШИХСЯ ЧАСОВ

Здесь сотни мыслей растворились в стенах,
Здесь тишина, понятная без слов.
Здесь жил кусочек маленькой вселенной,
Здесь дом остановившихся часов.

Кровать, трюмо, две тумбочки, гитара,
Хромой без ножки деревянный стул.
И смотрит человек седой устало
С картины, перечеркнутой крестом.

Здесь тысячи желаний не сбывались,
Здесь вдохновенья не умолкший зов.
Сюда зайдя, мгновения остались,
Здесь дом остановившихся часов.

СЛОМАННАЯ КУКЛА

Свет фонаря в холодное окно.
Меня сломали. Старую игрушку.
Но выбросить забыли все равно,
На чердаке в пыли всегда темно,
И в мусоре теперь лежу послушно.
Скребутся мыши справа и в углу.
Скрипят леса над головой из ваты.
Я мыслю. Я жива. Но не могу
Уйти из куклы в платьице помятом.
Мне не узнать, какой приходит год.
И тот ли век, в котором я родилась.
Я стану мертвой, если дом умрет,
Ненужная где столько лет пылилась.
На чердаке, мурлыча, дремлет кот.
Случайный гость хозяйского покоя.
Затихнут мыши. Старый кот уйдет
Как будто в измерение другое.
Опять останусь рваная одна.
И буду ждать. Чего? Никто не знает.
Промчатся лето, осень и зима,
Опять наступит мокрая весна.
Игрушки слишком долго умирают.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВА

г. Ярославль

* * *

Как драже на матовом паркете,
Ночь просыпала неяркие огни.
Двое нас на голубой планете
В мягких складках белой простыни.

Мы с тобою проросли друг в друга,
Разглядев подсказки между строк.
Вырвал нас из замкнутого круга
Взглядов молчаливый диалог.

Пусть за окнами меняются сюжеты.
Тушит ночь неяркие огни.
Мы уснем на голубой планете
В мягких складках белой простыни.

* * *

Сладким кубиком медленно в кофе твоём растворяется вечер.
Утекают минуты, как капли из ржавого крана.
В джунглях улиц тебя я случайно не встречаю.
Но узнаю тебя в черно-белых героях экрана.

В жизнь мою ты внезапной ворвался метелью.
Никотином проник глубоко мне под тонкую кожу.
Хрупкой нитью дождя вышит города призрачный вечер.
Я опять узнаю тебя в спинах случайных прохожих.

Пусть все кажется сложным и вроде бы несколько странным.
Опускаются мыслей ладони на хрупкие плечи.
Но я верю, что как-нибудь утром туманным
Я тебя среди многих в толпе обязательно встречу.

ЮЛИЯ ЗАХАРОВА
г. Ярославль

НОСТАЛЬГИЯ ПО МОСКОВСКОМУ МЕТРО

Я вдыхала его всеми порами
В смеси сырости и земли.
За большими стальными заборами
Поезда по тоннелям шли.

Я вращалась в него каждой клеткою,
Каждым вздохом жизни земной,
Так склоняется над таблеткою
Безнадежный, смертельно больной.

На холодных и грязных скамеечках
Притулились, как прежде, бомжи.
Снова стала молоденькой девочкой,
Только бровь так некстати дрожит.

Мне открыло билетиком в прошлое
Ледяное и злое нутро
Как родное, такое хорошее,
Позабывтое будто, метро!

СЧАСТЬЕ

Небо тучей накрыло. Застенчивый дождь
Не решается, медлит начаться.
Если спросишь меня: «Для чего ты живешь?»,
Я отвечу: «Живу я для счастья».

Начал капли воды дождь отчаянно лить –
Это праздник стихии вершится.
Только вот перестать бы застенчиво жить,
Но на это непросто решиться.

УТРО

Утро, земля в снегу,
Лист за окном дрожит.
Больше я не могу
Молча на свете жить.

Утро, в снегу земля,
Клонит меня ко сну.
Может, спасаюсь зря,
Может, не зря тону.

Падают неспроста
Кролики из-под шляп,
Вечером изо рта
Я вынимаю кляп.

Утром ветра траву
Прячут под белый снег,
Я на земле живу
Как-то не так, как все.

ДЯДЯ

Он улыбался мальчугану,
Игрушки с пола брал, не глядя,
Немного озорной и странный
Усатый бородатый дядя.

А я стояла у порога,
Пока игра неспешно длилась,
За все благодарила Бога,
Без слов, но искренне, молилась.

К окну прошла почти неслышной
Походкой резкой, торопливой,
Была в квартире третьей лишней,
Но до безумия счастливой.

ТОЛГСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Чайки резвятся, играя,
Чуть замедляет свой ход
Будто плывущий из рая
Белый большой теплоход.

Нас провожает спокойный
Сквозь расслабляющий сон
Тихий родной колокольный
Чуть замирающий звон.

Будто для сердца микстура,
Снова меня исцеля,
В небе белела фигура
Белого монастыря.

ДУША

Куда душа девается потом?
Где прячется? И под каким зонтом?
И почему не выскользнет на волю?
Где отбывает за провинность срок?
И теплится, как в печке уголек?
И сколько на нее свалилось боли?
Ее порыв был как источник чист,
И в толстом томе этот белый лист
Так ждал, чтоб, не испачкав, исписали.
По правде, по решенью, по судьбе.
Ей не хватало в этой пустоте,
Чтобы друг друга люди уважали.
Но кто-то, не умеющий писать,
Измял так грубо душу, как тетрадь,
Не пожалел и выкинул наружу.
Она лежит нагая у крыльца,
И, не имея кожи и лица,
Тихонько ждет того, кто очень нужен...

ПТИЦА

На моей невысокой крыше
Живет птица по кличке Выше.
Ее перья слегка атласны,
Ей мечты все мои подвластны.
Я кормлю птицу Выше волей,
Добавляя немного соли,
Как наестся – летит шальная,
Словно ищет ворота рая.
Я пою птицу Выше верой,
Она пьет и не знает меры,
Трель же птицы всегда чудесна,
Моей крыше давно известна.

Крыша знает, что жизнь без птицы
Полноценная не случится.
Заполняют пространство крыши
Птицы с кличкой призывной Выше.

* * *

Черной ручкой писать по белому,
Выводить из последних сил...
Я все сделаю, я все сделаю,
Что бы ты там ни попросил.

Холодает ночами. Простыни
Меня кутают, будто в снег.
Если б было все в жизни просто так,
Я б с тобой проживала век.

Иногда по судьбе назначенный
Просто сбился с пути в метель.
Я твоей теплотой охвачена,
Стерегу до утра постель.

Чертовщинки-слова выводятся,
Выливаются на листы.

Если люди и вправду сводятся –
Бог построит для нас мосты.